

ность, готовность решить военный спор подкупом, невнимательность к вопросам религиозных различий, то ответ казаков, наоборот, проникнут единым патриотическим чувством, „рыцарским“ бескорыстием и самоотверженностью, нетерпимостью к „бусурманам“ и к их „вере“.

Этот ответ по своему содержанию строится в трех переплетающихся планах: традиционно-религиозном (в виде общего фона „речи“), „рыцарско“-эпическом и главном — политическом, каждый из которых соответственно привлекает либо старые церковно-книжные, либо литературно-повествовательные и фольклорные, либо официально-канцелярские средства стиля. Все это в то же время богато насыщено выразительным просторечием и хлестким, хотя и грубоватым, народным юмором.

Если турецкая „речь“ начиналась обращением: „О люди божи царя небеснаго..!“, то ответ открывается обращением-антитезой: „О прегордыи и лютыи варвары!“ (У, 105). Риторический вопрос в начале турецкого послания: „Кому приносите вы такие обиды великие и страшные грубости?“ — парируется здесь контрвопросом: „Где полно вам Обрагим турецкой царь ум свой дел?“

Причиной безумия султана, его несбыточной мечты вернуть себе Азов, объявляется его сатанинская „гордость“. Назвал он себя выше всех царей и даже „богом вышним... своим безумием пишетца“. Подобно тому, как некогда Мамай, „аки демон гордяся“,¹ шел на Русь, но „смирил“ его „бог“ и он „высоко вознесся до небес и до ада шшел еси“,² так и здесь, оказывается, „гордому ему бусурману царю... бог противитца...“ (136). И казаки готовят ему участь всех „поганных“ гордецов, начиная от прародителя их „сатаны“; „вознесся отец ево сатана гордостию до небес, а опустил ево богъ за то с высоты в преисподнюю бѣздну во вѣки, и от нашия руки малыя, — добавляють они, — срамота ему будет вечная царю вашему турецкому“. Такие представления вполне отвечали заявлениям войсковых отписок об азовских делах, в одной из которых (март 1641 г.) например, казаки писали: „А мы, государь, холопи твои, над ними турецкими и крымскими людьми... над агарянским исчадием, прося у бога милости..., войною ходили за их неистовство и злую их гордость“.³

Казаков немного, но они „люди божи“, как это признали будто бы сами турки в своем обращении к ним и как они повторяют в ответной „речи“. Султан „не положил... бога събѣ помощника, обнадежился на тлѣнное свое великое богатство и славу“, они же говорят: „А мы люди божи и надежда у нас на него, бога, и на мать его пречистую богородицу... и на свою братю товарищев...“. Ср. аналогичный ход мысли в былине, где богатырь отвечает королю „Ботияну“:

¹ Полн. собр. русск. лет., т. XI, стр. 46, 47.

² С. Шамбинаго, ук. соч., стр. 31.

³ Донские дела, кн. II, стб. 123.